

MEGA

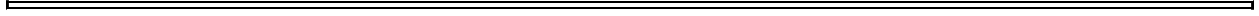
"ТИПЕРИОН" ДЭНА СИММОНСА.
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
СЕНСАЦИЯ ЗАПАДНОЙ
ФАНТАСТИКИ

3-1993

ВЕДУНЫ, ГОБЛИНЫ, ПРИЗРАКИ,
ФЕНИКСЫ, ЧЕРНОКНИЖИЕ И
ДЬЯВОЛЬЩИНА - В СПЕЦВЫПУСКЕ
"МЕЧИ И МАГИЯ"

- [Анджей Сапковский](#)

-

Анджей Сапковский

Меньшее зло

Как обычно, первыми на него обратили внимание коты и дети. Полосатый котяра, дремавший на согретой солнцем поленнице, поднял круглую голову, прижал уши, фыркнул и удрал в крапиву. Трехлетний Драгомир, сын рыбака Тригли, старательно возившийся в грязи у порога хибары, вытаращил слезящиеся глаза на проезжающего всадника и завизжал.

Ведьмак ехал медленно, не обгоняя мешавший воз с сеном. За ним, вытягивая шею, то и дело сильно натягивая веревку, привязанную к луке седла, трусил навьюченный осел. Кроме обычных вьюков, длинноухий тащил на хребте громоздкую тушу, замотанную в мешковину. Серо-белый бок осла покрывали черные полосы засохшей крови.

Воз наконец свернул в боковую улочку, ведущую к складам с зерном и пристани. Легкий ветерок нес оттуда запахи смолы и бычьей мочи. Геральт прищипорил коня. Он не обращал внимания на сдавленный крик торговли овощами, уставившейся на лапу с длинными когтями, высунувшуюся из-под мешковины и дергавшуюся в такт шагам ослика. Не обернулся и на растущую толпу, тянувшуюся за ним с тихим гомоном.

Перед домом старосты, как всегда, было много повозок. Геральт спрыгнул с седла, поправил висящий на спине меч и перебросил узду через коновязь. Толпа, спешившая следом, образовала возле ослика полукруг.

Крики старосты было слышно уже перед дверью.

— Нельзя, говорю! Нельзя, сучий потрох! Ты что, придурок, по-людски не понимаешь?

Геральт вошел. Перед невысоким, пузатым, покрасневшим от гнева старостой стоял селянин, держа за шею дергавшегося гуся.

— Чего... О, боги! Это ты, Геральт? Или у меня что-то с глазами? — и вновь обращаясь к селянину. — А ну забирай это, хамлюга! Ты что, оглох?

— Дык говорили, — бормотал деревенщина, косясь на гуся, — што надоть сунуть-то благородному чего-нибудь, а иначе...

— Кто говорил? — взвизгнул староста. — Кто? Так я что, взятки беру? Не позволю, говорю! Вон, говорю! Привет, Геральт!

— Привет, Кальдемайн.

Староста, сжимая ладонь Геральта, второй рукой хлопнул его по плечу.

— Это уже пару лет тебя не было, Геральт. А? И ты никак места нигде не нагреешь. Откуда это ты идешь? А-а, п-пада-даль, какая разница. Эй, кто-нибудь там, принесите пива! Садись, Геральт, садись. У нас тут балаган, понимаешь, завтра ярмарка. Что там у тебя, рассказывай!

— Потом. Сначала выйдем.

Толпа снаружи выросла раза в два, но свободное пространство вокруг ослика не уменьшилось. Геральт отбросил мешковину. Толпа охнула и отшатнулась. Кальдемайн широко открыл рот.

— О боги, Геральт! Что это такое?

— Кикимора. Не назначено у тебя за нее какой награды, господин староста?

Кальдемайн переминался с ноги на ногу, глядя на паучье, обтянутое дряблой черной кожей тело, на остекленевший глаз с вертикальным зрачком, на иглы клыков в окровавленной пасти.

— Где... Откуда это...

— На плотине, милях в четырех отсюда. На болоте. Кальдемайн, там должны были пропадать люди. Дети.

— Ага, точно. Но никто... Кто бы мог подумать... Эй, люди, а ну по домам, за работу! Тут вам не цирк! Закрой это, Геральт. А то мухи слетятся.

В избе староста без слов схватил кувшин пива и выпил до дна, не отрывая от уст. Затем устало вздохнул и шмыгнул носом.

— Награды нет, — понуро сказал он. — Никто и не предполагал, что такая штука может сидеть в соленых болотах. Несколько человек в той округе пропало, это верно, но... Там мало кто лазил. А ты откуда там взялся? Почему не ехал по главному тракту?

— На главных трактах, Кальдемайн, мне трудно заработать.

— Я и забыл, — староста сдержал отрывку, надув щеки. — А ведь какая была спокойная округа. Даже домовые редко когда ссали бабам в молоко. А тут на тебе, под самым боком и такая зараза. Выходит, я должен тебя поблагодарить. Потому что заплатить я тебе не заплачу. Нечем мне платить за это.

— Не везет. А мне нужно было бы денег, чтобы перезимовать, — ведьмак отхлебнул из жбана и отер губы от пены. — Вообще-то я собрался в Испадень, только не знаю, успею ли до снега. Как бы не застрять в каком-нибудь городишке вдоль Лютоньского тракта.

— А в Блавикен долго будешь?

— Нет. У меня нет времени забавляться. Зима идет.

— Где остановишься? Может, у меня? Свободная каморка наверху есть, зачем давать себя на растерзание вору-корчмарю? Поговорим,

расскажешь, что в мире слышать.

— С удовольствием. А что твоя Либуша? В последний раз было видно, что я ей не очень-то по сердцу пришелся.

— В моем доме у баб голоса нет. Только, между нами, не делай при ней того, что выкинул в прошлый раз за ужином.

— Ты о том, как я бросил вилкой в крысу?

— Нет. О том, что попал, хотя было темно.

— Мне казалось, что это будет забавно.

— Это было забавно. Только при Либуше этого не делай. Слушай, а эта... кики...

— Кикимора.

— Она тебе нужна для чего, что ли?

— Интересно, для чего? Если награды за нее нет, можешь приказать выбросить ее в нужник.

— А это идея. Эй, там, Карелка, Борг, Носикамик! Есть там кто?

Вошел стражник с алебардой, с грохотом зацепив острием о притолоку.

— Носикамик, — сказал Кальдемайн. — Возьми кого-нибудь в помощь, заberi из-под избы осла вместе с этой гадостью в мешковине, отведи за хлева и утопи ее в выгребной яме. Понял?

— Как прикажете. Только... господин староста...

— Чего?

— Может, прежде, чем утопить эту заразу...

— Ну?

— Показать бы мастеру Ириону. А ну к чему пригодится?

Кальдемайн хлопнул себя ладонью по лбу.

— А ты не дурак, Носикамик. Слушай, Геральт, может, наш местный волшебник чего выложит за эту падаль. Рыбаки разные чудачества сносят для него, разные там чудные рыбы, осьминогов, клабартов или кергуленов, многие на этом хорошо заработали. Пошли, пройдемся к башне.

— Так у вас собственный волшебник завелся? Временный или насовсем?

— Насовсем. Мастер Ирион. В Блавикен живет уже год. Бо-ольшой маг, только глянешь, уже видно.

— Сомневаюсь, чтобы могучий маг заплатил за кикимору, — поморщился Геральт. — Насколько мне известно, она не нужна для эликсиров. Наверное, ваш Ирион только выругает меня. Мы, ведьмаки, не очень-то ладим с волшебниками.

— Никогда я не слыхал, чтобы наш Ирион кого-нибудь оскорбил или

отругал. Заплатит или нет, сказать не могу, но попробовать не помешает. На болотах может быть больше таких кикимор, и что тогда? Пусть волшебник глянет на нее и в случае чего заколдует болота или что он там сделает.

Ведьмак недолго подумал.

— Твоя взяла, Кальдемайн. Что ж, рискнем встретиться с Ирионом. Идем?

— Идем. Носикамик, отгони детвору и бери лопухого за уздечку. Где моя шапка?

Башня, выстроенная из гладких гранитных блоков, увенчанная зубастыми сторожами, выглядела весьма впечатляюще, возвышаясь над битой черепицей домов и съезжившимися соломенными крышами хибар.

— Вижу, обновил, — сказал Геральт. — Колдовством, или вас сгонял на работу?

— Все больше колдовством.

— И какой из себя этот ваш мастер Ирион?

— Порядочный. Людям помогает. Только молчун. Из башни почти не выходит.

На дверях, украшенных инкрустацией из светлого дерева, висел огромный дверной молоток в виде плоской рыбьей головы с выкатившимися круглыми глазами, державшей в зубастой пасти бронзовое кольцо. Кальдемайн, видимо, уже знакомый с ее действием, подошел, откашлялся и громко заговорил:

— Шлет поздравления староста Кальдемайн с делом к мастеру Ириону. С ним же поздравления шлет ведьмак Геральт из Ривии, тоже по делу.

Довольно долго ничего не происходило, наконец рыбья морда задвигала зубастой челюстью идохнула облачком пара:

— Мастер Ирион не принимает. Уходите, добрые люди.

Кальдемайн потоптался на месте, глянул на Геральта. Ведьмак пожал плечами. Носикамик серьезно и собранно ковырял в носу.

— Мастер Ирион не принимает. Уходите, добрые...

— Я не добрый человек, — громким голосом прервал ее Геральт. — Я ведьмак. Там на осле лежит кикимора, которую я убил неподалеку от местечка. Каждый волшебник, постоянно живущий в округе, обязан заботиться о безопасности в этом округе. Мастер Ирион может не удостоить меня разговором, может и не принимать, если такова его воля. Но кикимору пусть осмотрит и сделает выводы. Носикамик, отвяжи кикимору и брось ее под самые двери.

— Геральт, — тихо сказал староста. — Ты-то уедешь, а мне...

— Пошли, Кальдемайн. Носикамик, вынь палец из носа и делай, что я сказал.

— Минуточку, — сказал молоток совершенно другим голосом. — Геральт, это действительно ты?

Ведьмак тихо выругался.

— Я уже теряю терпение. Да, это действительно я. И что с того?

— Подойди поближе к двери, — сказал молоток, пыхнув облачком пара. — Сам. Я тебя впущу.

— А что с кикиморой?

— Да черт с ней. Геральт, я хочу с тобой поговорить. Только с тобой. Простите, староста.

— Да что уж там, Мастер Ирион, — махнул рукой Кальдемайн. — Пока, Геральт. Позже увидимся. Носикамик! Чудище в нужник!

— Приказ понял.

Ведьмак подошел к инкрустированным дверям, которые приоткрылись ровно настолько, чтобы он смог протиснуться, после чего сразу же захлопнулись, оставив его в полнейшей темноте.

— Эй! — крикнул он, не скрывая злости.

— Сейчас, — ответил удивительно знакомый голос.

Впечатление было настолько сильным, что ведьмак покачнулся и вытянул руку в поисках опоры, так и не найдя ее.

Сад был усажен белыми и розовыми цветами и пах дождем. Небо перерезала многоцветная арка радуги, соединяющей кроны деревьев с далекой голубой цепью гор. Посреди сада стоял маленький домик, утопавший в мальвах. Геральт глянул под ноги и увидел, что стоит по колено в ромашках.

— Ну, иди же, Геральт, — раздался голос. — Я перед домом.

Ведьмак вступил в сад, прошел среди деревьев. Слева он заметил какое-то движение и оглянулся. Светловолосая женщина, абсолютно нагая, шла вдоль ряда кустов, с полной яблоч корзиной. Из всех сил ведьмак пообещал себе больше ничему не удивляться.

— Наконец-то. Приветствую тебя, ведьмак.

— Стрегобор! — удивленно воскликнул Геральт.

Ведьмак встречал в своей жизни воров, похожих на членов городского совета, членов городского совета, выглядевших, как последние нищие, гуляющих девок, похожих на королев, королев, похожих на стельных коров, и королей, похожих на воров. А Стрегобор всегда выглядел так, как по всем канонам и правилам должен выглядеть волшебник. Он был высоким,

худым, сгорбленным, с огромными седыми торчащими бровями и длинным носом с горбинкой. Вдобавок он носил черное, тянущееся по земле одеяние с неправдоподобно широкими рукавами, а в его руках был длиннющий посох с хрустальным шаром наверху. Никто из известных Геральту волшебников не был похож на Стрегобора. И, что самое странное, Стрегобор действительно был волшебником.

Они уселись в сплетенные из лозы кресла, за столом с со столешницей из белого мрамора, на окруженном мальвами крыльце. Обнаженная блондинка с корзиной яблок подошла к ним, улыбнулась и, покачивая бедрами, вернулась в сад.

— Это тоже иллюзия? — спросил Геральт, глядя на бедра.

— Тоже. Как и все здесь. Но это, дорогой мой, иллюзия высшего сорта. Цветы пахнут, яблоки можно есть, пчела может тебя ужалить, а ее, волшебник кивнул на блондинку, — ты можешь...

— Попозже.

— Правильно. Что ты здесь делаешь, Геральт? Все еще убиваешь за деньги представителей исчезающих видов? Сколько ты получил за кикимору? Видимо, ничего, иначе не приволок бы ее сюда. И подумать только, что есть люди, которые не верят в судьбу. Наверное, ты знал обо мне. Знал?

— Не знал. И вообще, это последнее место, где я ожидал бы тебя встретить. Если мне не изменяет память, раньше ты жил в Ковире, в такой же башне.

— С тех пор, Геральт, многое изменилось.

— Взять хотя бы твое имя. Кажется, сейчас ты зовешься мастером Ирионом?

— Так звали строителя этой башни. Он умер уже лет двести назад. Здесь я оседлый волшебник. Большинство здешних жителей кормятся морем, а ты ведь знаешь, кроме иллюзий, моя специальность — погода. Иногда успокою шторм, иногда вызову шторм, иногда западным ветром подгоню поближе к берегу косяк рыбы. Жить можно. То есть, — добавил он хмуро, — можно было жить.

— Почему «можно было жить»? Почему ты сменил имя?

— У предназначения много лиц. Мое прекрасно сверху, но отвратительно изнутри. И теперь оно вытянуло за мной свои кровавые когти...

— Ты совершенно не изменился, Стрегобор, — усмехнулся Геральт. Бредишь с мудрой и значительной миной. Ты не можешь сказать прямо?

— Могу, — вздохнул чернокнижник, — если тебе станет легче, то

могу. Я докатился сюда, скрываясь и убегая от ужаснейшего существа, которое хочет меня убить. Бегство не помогло, оно меня нашло. Скорее всего, оно попытается убить меня завтра, максимум послезавтра.

— Ага, — бесстрастно отозвался ведьмак. — Теперь понял.

— И кажется, грозящая мне смерть тебя никак не трогает?

— Стрегобор, — сказал Геральт. — Мир такой, какой он есть. В дороге видишь многое. Двое мужиков насмерть бьются за межу, которую завтра же затопчут дружины двух комесов, которые желают прибить друг друга. Вдоль дорог на деревьях качаются висельники, в лесах купцам режут глотки разбойники. В городах на каждом шагу натыкаешься на трупы в канавах. Во дворцах тычут друг в друга кинжалами, а на пирах ежеминутно кто-то валится под стол, посинев от яда. Я уже привык. Так с какой стати меня должна тронуть смерть, причем грозящая тебе?

— Причем грозящая мне, — горько повторил Стрегобор. — А я ведь считал тебя другом, рассчитывал на твою помощь.

— Наша последняя встреча имела место при дворе короля Иди в Ковире. Я пришел за деньгами, платой за убийство державшей в страхе всю округу амфисбены. Тогда ты и твой собрат по профессии Завист наперебой называли меня шарлатаном, бессмысленной машиной для убийства, и, насколько я помню, трупоедом. В результате Иди мало что не заплатил мне ни гроша, так еще дал только двенадцать часов, чтобы убраться из Ковира, и я еле успел, потому что моя клепсида была испорчена. А вот теперь, говоришь, ты рассчитываешь на мою помощь. Говоришь, за тобою гонится чудовище. Чего ты боишься, Стрегобор? Если он тебя отыщет, скажи ему, что ты любишь чудовищ, защищаешь их и заботишься, чтобы никакой ведьмак-трупоед не мешал их спокойствию. И если чудовище обнюхает тебя и сожрет, то оно окажется ужасно неблагодарным.

Волшебник, отвернувшись, молчал. Геральт рассмеялся.

— Не дуйся, как жаба, фокусник. Говори, что тебе грозит. Посмотрим, что можно сделать.

— Ты слыхал о проклятии Черного Солнца, Геральт?

— А как же, слыхал. Только под названием «Мания Безумного Эльтибальда». Ведь так, кажется, звали мага, начавшего заварушку, в результате которой было убито или заточено в башнях несколько десятков девиц из благородных, даже королевских семейств. В них-де вселились демоны, они были прокляты, заражены Черным Солнцем, потому что именно так вы называете на своем помпезном жаргоне самое обыкновенное затмение.

— Эльтибальд, который вовсе не был безумным, расшифровал

надписи на менгирах дауков, на надгробных плитах в некрополях возгор, он исследовал легенды и предания боболаков. Все говорили о затмении, не оставляя никаких сомнений. Черное Солнце должно было предшествовать скорому возвращению Лилит, все еще почитаемой на Востоке под именем Нийя, и скорое исчезновение с лица земли всего рода человеческого. Дорогу Лилит должны были проложить «шестьдесят дев в золотых коронах, что кровью наполнят долины рек».

— Чушь, — ответил ведьмак. — А кроме того, не в рифму. Все приличные предсказания делаются в рифму. Всем ведь известно, Стрегобор, что тогда было нужно Эльтибальду и Совету Волшебников. Вы использовали бред безумца, чтобы укрепить свою власть. Чтобы разбить союз, испортить соглашения, разжечь династические споры, словом, посильнее дернуть за шнурки коронованных марионеток. А ты тут мне бубнишь о предсказаниях, которых постыдился бы нищий на ярмарке.

— Можно не соглашаться с теорией Эльтибальда, с его истолкованием предсказаний. Но нельзя отвергнуть факта ужаснейших мутаций среди девиц, родившихся вскоре после затмения.

— Это почему же нельзя отвергнуть? Я слышал совершенно иное.

— Я присутствовал при вскрытии одной из них, — сказал волшебник. Геральт, то, что мы нашли внутри черепа и позвоночника, ясно определить нельзя. Какая-то красная губка. Внутренние органы перемешаны, некоторых вообще не хватает. Все было покрыто подвижными ресничками, сине-розовыми остатками. У сердца было шесть камер. Две практически атрофированы, но все-таки. Что ты на это скажешь?

— Я видал людей, у которых вместо рук были орлиные когти, людей с волчьими клыками, людей с лишними суставами, дополнительными органами и чувствами. Все это, Стрегобор, было результатом ваших занятий магией.

— Говоришь, видал разные мутации, — поднял голову чародей. — А скольких из них ты прибил за деньги, согласно своему призванию ведьмака? А? Можно иметь волчьи клыки и ограничиться тем, что скалить их на девок в кабаке, а можно иметь еще и волчью натуру и нападать на детей. И ведь именно так было у тех девиц, родившихся после затмения — врожденная патологическая склонность к жестокости, агрессии, внезапным взрывам гнева, развязный темперамент.

— Такое можно найти у каждой бабы, — издевательски усмехнулся ведьмак. — Что ты плетешь, Стрегобор? Ты спрашиваешь, сколько я убил мутантов... а почему тебя не интересует, сколько я расколдовал, со скольких снял заклятие? Я, презираемый вами ведьмак. А что делали вы,

могучие чародеи?

— Была применена высшая магия. Наша, а равно и жреческая, притом во многих храмах. Все попытки заканчивались смертью девочек.

— Но ведь это говорит плохо о вас, а не о девочках. Ладно, первые трупы есть. Как я понимаю, вскрытию подвергались не только они?

— Не только. Не надо глядеть на меня так, ты прекрасно знаешь, что были и другие трупы. Вначале было решено устранить всех. Убрали несколько... надцать. Всех подвергали вскрытию. Одну вскрыли живьем.

— И вы, сучьи дети, еще осмеливаетесь критиковать ведьмаков? Эх, Стрегобор, придет день, когда люди поумнеют и еще нальют вам сала за шкуру.

— Не думаю, чтобы этот день пришел так быстро, — терпко сказал Стрегобор. — Не забывай, что мы действовали в защиту людей. Мутантки утопили бы в крови целые страны.

— Так утверждаете вы, маги, задрав нос кверху, по-над своим нимбом безгрешности. И кстати о безгрешности — ты же не станешь утверждать, что в вашей охоте на якобы мутанток вы ни разу не ошиблись?

— Ладно, — после долгого молчания сказал Стрегобор. — Буду откровенен, хотя в собственных интересах мне и не следовало бы этого делать. Мы ошибались, причем больше, чем однажды. Определить мутанток было очень сложно. Поэтому мы и перестали их... убирать, а стали изолировать.

— Ах, ваши знаменитые башни, — фыркнул ведьмак.

— Наши башни. Но это стало еще одной ошибкой. Мы их недооценили, и многие сбежали. Среди королевичей, особенно молодых, которым было нечего делать, и еще меньше — терять, появилась какая-то идиотская мода на освобождение заключенных красоток. Большинство из них, к счастью, свернуло шеи.

— Насколько мне известно, заключенные в башне быстро умирали. Говорили, что и здесь не обошлось без вашей помощи.

— Ложь. Но они действительно быстро впадали в апатию, отказывались от еды... Самое интересное, перед смертью у них проявлялся дар ясновидения. Еще одно доказательство мутации.

— Что ни доказательство, то менее серьезное. Больше нету?

— Есть. Сильвена, госпожа в Нароке, к которой нам так и не удалось даже приблизиться, потому что она довольно быстро взошла на трон. Теперь в этой стране происходят страшные вещи. Фиалка, дочь Эвермира, сбежала из башни по веревке, сплетенной из собственных кос, и теперь держит в страхе весь Северный Вельхад. Бернику из Тальгара освободил

идиот-королевич. Теперь он, ослепленный, сидит в подземелье, а виселица стала в Тальгаре самой обычной частью пейзажа. Есть и другие примеры.

— Есть, конечно, — сказал ведьмак. — В Ямурлаке, например, правит старикашка Абрад. Он лысый, с глистами, у него нет ни одного зуба, родился он еще лет за сто до этого вашего затмения, но тем не менее не может уснуть, пока в его присутствии кого-нибудь не казнят. В припадках гнева он уже вырезал всех своих родственников, и, наверное, полстраны. Есть и следы развратного темперамента, в молодости его вроде бы даже называли Абрад Задериюбка. Э-эх, Стрегобор, как было бы шикарно, если бы жестокость правителей можно было бы объяснить мутацией или заклятием.

— Послушай, Геральт...

— И не подумай. Свою правоту ты мне не докажешь, тем более, что Эльтибальд не был преступным безумцем. Но вернемся к чудищу, якобы угрожающему тебе. Знай, что после такого вступления эта история мне не нравится. Но я выслушаю тебя до конца.

— Не перебивая злобными замечаниями?

— Этого обещать не могу.

— Ну что ж, — Стрегобор засунул ладони в рукава одеяния. — Тем дольше это будет тянуться. Итак, эта история началась в Крейдене, маленьком княжестве на севере. Жена Фредефалька, князя Крейдена, Аридея, была умной, образованной женщиной. У нее в роду было немало известных и выдающихся адептов колдовского искусства, и, видимо, путем наследования, она получила довольно редкий и могущественный артефакт — Зеркало Нехалени. Как тебе известно, Зеркала Нехалени служили в основном пророкам и предсказательницам, потому что безошибочно, хотя и запутанно, предсказывали будущее. Аридея обращалась к Зеркалу довольно часто...

— С обычнейшим вопросом, — не выдержал Геральт. — «Кто на свете всех милее?». Насколько мне известно, все Зеркала Нехалени делятся на честные и разбитые.

— Ты ошибаешься. Аридею больше интересовали судьбы страны. А на ее вопрос зеркало предсказало ужаснейшую смерть, ее самой и еще множества людей, от руки либо по вине дочери Фредефалька от первого брака. Аридея постаралась, чтобы известие об этом дошло до Совета, а Совет послал в Крейден меня. Не стоит и говорить, что первородная дочь Фредефалька родилась вскоре после затмения. Мы немного понаблюдали за малышкой. За это время она успела замучить канарейку и двух щенят, а кроме того, ручкой гребня выбила служанке глаз. С помощью заклинаний я

провел несколько тестов, и большинство из них подтвердило — она мутант. Со всем этим я отправился к Аридее, потому что Фредефальк за своей дочкой света белого не видел. А Аридея, как я уже говорил, была неглупой женщиной...

— Ясно, — вновь прервал его Геральт, — и к тому же не очень любила падчерицу. Она хотела, чтобы трон наследовали ее собственные дети. О дальнейшем я уже догадываюсь. Тогда не нашлось подходящего человека, который свернул бы шею малой. И при случае — тебе.

Стрегобор вздохнул, вознес очи горе, где многоцветно играла радуга.

— Я был за то, чтобы только изолировать ее, но княжна решила иначе. Она отправила малую в лес с наемным убийцей, ловчим. Потом его нашли в чащобе. Штанов на нем не было, поэтому дальнейший ход событий восстановить было нетрудно. Она вбила ему в ухо шпильку от брошки, пока его внимание было занято совершенно другим.

— Если ты думаешь, что мне жаль его, — буркнул Геральт, — то ты ошибаешься.

— Мы устроили облаву, — продолжал Стрегобор, — но от девчонки и след простыл. Мне спешно пришлось бежать из Крейдена, потому что Фредефальк начал что-то подозревать. Лишь через четыре года я получил известие от Аридеи. Она напала на след девицы, та жила в Махакаме с семьей гномами, которых она убедила в том, что грабить на дорогах лучше, чем загрязнять себе легкие пылью в шахтах. Почти все называли ее Колючкой, потому что она любила пойманных людей сажать на кол живьем. Аридея несколько раз нанимала убийц, но никто не вернулся. Затем охотников на такое стало трудно отыскать, потому что Колючка стала по-своему знаменита. Мечом научилась владеть так, что редкий мужчина мог сравниться с нею. Вызванный, я тайно прибыл в Крейден, лишь затем, чтобы узнать, что кто-то отравил Аридею. Все считали, что это сделал сам Фредефальк, подыскавший себе мезальянс помоложе и поядреней, но мне кажется, что это была Ренфри.

— Ренфри?

— Это ее имя. Как я сказал, она отравила Аридею. Вскоре после этого и князь Фредефальк погиб, во время охоты, в странных обстоятельствах, а старший сын Аридеи без вести пропал. Это тоже, должно быть, работа девчонки. Я говорю — девчонки, а ведь ей тогда было уже семнадцать, и она уже подросла.

— К этому времени, — продолжал чародей, сделав передышку, — она и ее гномы уже были ужасом всего Махакама. Только в один прекрасный день они из-за чего-то поссорились, не знаю, то ли из-за добычи, то ли

перепутали порядок ночей в неделе, в общем, они все друг друга перерезали. Семеро гномов ночи длинных ножей не пережили, зато Колючка осталась жива. Но тут уж на месте оказался я. Мы встретились тогда с глазу на глаз — она сразу же меня узнала и поняла, какую роль я сыграл тогда в Крейдене. Я говорю тебе, Геральт, я еле успел тогда выговорить заклинание, и руки у меня тряслись, когда эта дикая кошка неслась на меня с мечом. Я упаковал ее в превосходную друзу горного хрусталя, шесть локтей на девять. Когда она заснула летаргическим сном, я сбросил друзу в шахту гномов и обрушил ствол.

— Паршивая работа, — прокомментировал Геральт. — Все это можно расколдовать. Ты что, не мог спалить ее? У вас же столько чудных заклинаний.

— Только не я. Это не моя специальность. Но ты прав, работу я испохабил. Ее нашел какой-то королевич-придурок, потратил кучу денег на контрзаклинание, расколдовал ее и с триумфом повез домой, в какое-то вшивое княжество на востоке. Его отец, старый разбойник, оказался гораздо умнее. Он задал сыну трепку, а у Колючки решил выпытать, где она спрятала награбленные вместе с гномами сокровища. Его ошибка была в том, что когда они растягивали Колючку на пыточном столе, отцу помогал старший сын. Как-то получилось, что на следующее утро тот же старший сын, уже сирота и без единого родственника, правил в этом княжестве, а Колючка заняла место первой фаворитки.

— То есть, она еще и смазливая.

— Дело вкуса. Фавориткой она пробыла недолго, до первого дворцового переворота, громко говоря, потому что тамошний дворец больше напоминал сарай. И тут оказалось, что она не забыла обо мне. В Ковире она трижды покушалась на мою жизнь. Я решил не рисковать и переждать в Понтаре. Она нашла меня и там. Не знаю, как ей это удастся, следы я заметаю хорошо. Видимо, это отличительная черта ее мутации.

— А почему ты опять не зачаровал ее в хрустале? Что тебя остановило? Угрызения совести?

— Нет. Их у меня не было. Оказалось, что она нечувствительна к магии.

— Это же невозможно.

— Возможно. Достаточно иметь нужный артефакт или ауру. В принципе это может быть связано и с ее прогрессирующей мутацией. Я удрал из Ангрена и поселился здесь, на Лукоморье, в Блавикен. Год было спокойно, но она снова вынюхала меня.

— Откуда ты знаешь? Она уже в местечке?

— Да. Я видел ее. В хрустальном шаре, — чародей поднял посох. — Она не одна, с нею банда, а это знак, что готовится что-то серьезное. Геральт, мне уже некуда удирать, я не знаю места, где я мог бы укрыться. Ты не случайно прибыл сюда в такой момент. Это судьба.

Ведьмак поднял брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Это же ясно. Ты ее убьешь.

— Стрегобор, я ведь не наемный убийца.

— Да, согласен, ты не наемный убийца.

— За деньги я убиваю чудовищ. Чудовищ, угрожающих людям. Страшилищ, вызванных чарами и заклинаниями таких, как ты. Но не людей.

— Она не человек. Как раз она и есть чудовище, мутант, проклятая нелюдь. Ты привез сюда кикимору, а Колючка хуже кикиморы. Кикимора убивает от голода, а Колючка ради удовольствия. Убей ее, и я заплачу тебе любую сумму, какую запросишь. Разумеется, в разумных пределах.

— Я уже говорил — истории о мутациях и проклятии Лилит считаю бреднями. У девицы есть повод с тобой посчитаться, и я в это вмешиваться не буду. Обратись к старосте, к городской страже. Ты местный волшебник, и городское право должно тебя защищать.

— Плевать я хотел на право, на старосту и на его помощь! — вспыхнул Стрегобор. — Я не нуждаюсь в защите, я хочу только, чтобы ты убил ее. В эту башню никто не войдет, здесь я в полнейшей безопасности. Но что мне с того, я не собираюсь торчать здесь до конца дней своих. Пока я живу, Колючка не откажется от мести, я же знаю. Так что мне остается, сидеть в башне и ждать смерти?

— Девушки же сидели. Знаешь что, фокусник? Охоту на девиц следовало бы оставить другим, более мощным волшебникам. Следовало предвидеть события.

— Я прошу тебя, Геральт.

— Нет, Стрегобор.

Чернокнижник молчал. Ненастоящее солнце не продвинулось ни на пядь к зениту в ненастоящем небе, но ведьмак знал, что в Блавикен уже смеркается. Он почувствовал голод.

— Геральт, — снова заговорил Стрегобор. — Когда мы слушали Эльтибальда, многие из нас сомневались. Но мы решили выбрать меньшее зло. Теперь и я прошу тебя сделать подобный выбор.

— Зло всегда остается злом, — серьезно сказал ведьмак, вставая с места. — Меньшее, большее, среднее, все равно. Пропорции условны, а

границы стерты. Я не пустынный-святоша, и в жизни творил не только добро. Но если мне приходится выбирать между одним злом и другим, то предпочитаю совсем не выбирать. Мне пора. Завтра увидимся.

— Может быть, — ответил волшебник. — Если успеешь.

В «Золотом Дворе», самом представительном постоялом дворе местечка, было многолюдно и шумно. Гости, местные и приезжие, занимались тем, чем им обычно и полагалось заниматься, в зависимости от нации и рода занятий. Серьезные купцы спорили с гномами о ценах на товары и процентах на кредиты. Менее серьезные щипали девиц, разносящих пиво и капусту с горохом. Местные придурки строили из себя знающих. Гулящие девки старались понравиться тем, у кого есть деньги, одновременно отгоняя тех, у кого этих денег не было. Возчики и рыбаки пили так, словно завтра должны были издать указ о запрете на выращивание хмеля. Моряки завели песню, прославляющую морские волны, отвагу капитанов и прелести сирен, последние живописно и с подробностями.

— Напряги-ка память, Сотник, — сказал Кальдемайн корчмарю, перегнувшись через стойку, чтобы его можно было расслышать в шуме. — Шестеро мужиков и деваха, одеты в черное, кожа да серебро, по новиградской моде. Я видел их на рогатках. Они остановились у тебя или «Под Тунцом»?

Корчмарь наморщил выпуклый лоб, вытирая кружку полосатым фартуком.

— Тут, староста, — наконец сказал он. — Говорили, что приехали на ярмарку, а все при мечях, даже девица. Одеты, как ты и сказал, в черное.

— Угу, — кивнул головой староста. — Где они теперь? Здесь их не видно.

— В меньшем зале. Платили золотом.

— Я пойду сам, Кальдемайн, — сказал Геральт. — Нечего пока превращать это дело в официальное по отношению к ним. Я приведу ее сюда.

— Может, и так. Только будь осторожен. Я не хочу здесь скандалов.

— Я постараюсь... быть осторожным.

Моряцкая песня, судя по насыщенности бранью, шла уже к большому финалу. Геральт приоткрыл негнущуюся, липкую от грязи занавесь, и заглянул в зальчик.

За столом сидело шестеро мужчин. Той, кого он ожидал, среди них не было.

— Чего? — заорал тот, кто первый его заметил, лысоватый, с лицом, обезображенным шрамом, бегущим через левую бровь, основание носа и правую щеку.

— Мне надо видиться с Колючкой.

Из-за стола встало две одинаковые фигуры с одинаковыми неподвижными лицами, светлыми нечесаными, доходящими до плеч волосами, в одинаковых обтягивающих фигуру костюмах из черной кожи, сияющих от серебряных украшений. Одинаковыми движениями близнецы подняли с лавки одинаковые мечи.

— Спокойно, Вир. Нимир, сядь, — сказал человек со шрамом, упирая локти в стол. — Так с кем, говоришь, браток, ты хочешь увидиться? Кто это Колючка?

— Ты прекрасно знаешь, о ком я говорю.

— Что это еще за тип? — спросил полуголый амбал, весь потный, перепоясанный крест-накрест кожаными лентами, с шипастыми наручами. — Ты его знаешь, Нохорн?

— Не знаю, — ответил человек со шрамом.

— Да это какой-то альбинос, — захихикал щуплый темноволосый мужчина, сидевший рядом с Нохорном. Нежные черты, большие черные глаза и остроконечные уши безошибочно выдавали полукровку-эльфа. — Альбинос, мутант, каприз природы. Да разве таким дозволено заходить в корчму к порядочным людям?

— Я его уже где-то видал, — сказал крепкий загорелый тип с волосами, заплетенными в косу, смерив Геральта злым взглядом прищуренных глаз.

— Неважно, где ты, Тавик, его видал, — сказал Нохорн. — Слушай-ка, браток. Сиврил только что ужасно обидел тебя. Ты его вызовешь? А то такая скукота.

— Нет, — спокойно ответил ведьмак.

— А если я вылью эту уху тебе в морду, вызовешь меня? — загоготал полуголый.

— Спокойно, Пятнадцатый, — сказал Нохорн. — Раз он сказал нет, так нет. Пока. Ну, браток, говори, что ты там хочешь сказать, и выматывайся. У тебя есть еще случай умотать самому. Не воспользуешься им — тебя умоют другие.

— Тебе мне говорить нечего. Я хочу видиться с Колючкой. С Ренфри.

— Слыхали, ребята? — Нохорн оглядел всю компанию. — Он хочет видиться с Ренфри. А по какому такому делу, браток, можно узнать?

— Нельзя.

Нохорн поднял голову и поглядел на близнецов, а те сделали шаг вперед, бряцая серебряными пряжками высоких сапог.

— Знаю, — вдруг заговорил тот, с косой. — Я уже знаю, где я его видел.

— Что ты там лопочешь, Тавик?

— Перед домом старосты. Он привез какого-то черта на продажу, такую помесь паука с крокодилом. Люди говорили, что это ведьмак.

— Это что ж такое, ведьмак? — спросил голый Пятнадцатый. — Э? Сиврил?

— Наемный чародей, — ответил полуэльф. — Шут за горсть серебряников. Я же говорю, ошибка природы. Оскорбление нравов людских и божьих. Палить таких надо.

— А мы колдунов не любим, — заскрипел Тавик, не отрывая от Геральта прищуренных буркал. — Что-то мне кажется, Сиврил, что в этой дыре у нас будет больше работы, чем казалось. Тут их больше, чем один, а ведь известно, что они держатся вместе.

— Ворон ворону... — злобно усмехнулся полукровка. — Как это еще земля носит таких, как ты? Кто вас плодит, чудь?

— Если можно, будьте терпимей, — спокойно произнес Геральт. — Твоей матери, как вижу, приходилось частенько гулять по лесу одной, чтобы у тебя появился повод подумать и о собственном происхождении.

— Возможно, — не переставая усмехаться, ответил полуэльф. — Но я-то, по крайней мере, знал свою мать. А ты, как ведьмак, и этого сказать о себе не можешь.

Геральт слегка побледнел и сжал зубы. Нохорн, который заметил это, громко засмеялся.

— Ну, браток, подобной обиды пропустить нельзя. То, что у тебя за хребтом, похоже на меч. Так как? Выйдете с Сиврилом на двор? А то вечер такой нудный.

Ведьмак не отреагировал.

— Трус засранный, — фыркнул Тавик.

— Что он там говорил о матери Сиврила? — монотонно тянул Нохорн, уперев подбородок в ладони. — Насколько я понял, что-то отвратительное. Что она всем давала, или что-то в этом роде. Эй, Пятнадцатый, да разве можно слушать, как какой-то приبلуда обижает мать друга. Мать, мать ее е... это же святое!

Пятнадцатый охотно встал, отстегнул меч и бросил его на стол. Выкатил грудь, поправил наручи с серебряными шипами, сплюнул и сделал шаг вперед.

— Если ты в чем-то сомневаешься, — добавил Нохорн, — то Пятнадцатый как раз вызывает тебя драться на кулаках. Я же говорил, что тебя вынесут отсюда. Сделайте место.

Пятнадцатый приблизился, поднимая кулаки. Геральт поднес ладонь к мечу.

— Осторожно, — сказал он. — Еще шаг, и ты будешь искать свою руку на полу.

Нохорн и Тавик сорвались с мест, схватившись за мечи. Молчаливые близнецы одинаковыми движениями достали свои. Пятнадцатый отступил. Не двинулся лишь Сиврил.

— Что тут происходит, елки-палки? На минуту нельзя вас оставить.

Геральт очень медленно повернулся и глянул в глаза цвета морской волны.

Она была почти одного с ним роста. Соломенные волосы неровно срезаны у самых ушей. Она стояла, одной рукой опершись о косяк, в обтягивающем бархатном кафтанчике, затянутая богатым поясом. Ее юбка была неровной, асимметричной — слева доходила до щиколоток, справа же открывала мощное бедро над голенищем высокого сапога из лосиной кожи. На левом боку висел меч, на правом — стилет с большим рубином на рукояти.

— Языки проглотили?

— Это ведьмак, — буркнул Нохорн.

— Так что?

— Он хотел говорить с тобой.

— Так что?

— Это волшебник, — загудел Пятнадцатый.

— А мы волшебников не любим, — добавил Тавик.

— Спокойно, ребята, — сказала девушка. — То, что он хочет со мной поговорить, еще не преступление. Забавляйтесь дальше, и без скандалов. Завтра будет базарный день. Вы же наверняка не хотите, чтобы ваши выходы помешали ярмарке, такому важному событию в жизни этого милого городка?

В наступившей тишине раздался тихий паскудный смешок. Смеялся все еще беззаботно развалившийся на лавке Сиврил.

— Да ну тебя, Ренфри, — еле выдавил полукровка. — Важное... событие!

— Заткнись, Сиврил. Немедленно.

Сиврил перестал смеяться. Немедленно. Геральт не удивился. В голосе Ренфри зазвучало что-то очень странное. Что-то, похожее на багровые

отблески пожара на клинках, вой убиваемых, ржание коней и запах крови. У остальных, видимо, тоже возникли подобные ассоциации, потому что бледность покрыла даже загорелое лицо Тавика.

— Ну, беловолосый, — прервала тишину Ренфри. — Давай выйдем в большую избу, присоединимся к старосте, с которым ты сюда пришел. Он ведь тоже, наверное, хотел бы со мной поговорить.

Кальдемайн, ожидавший возле стойки, увидев их, прервал тихий разговор с корчмарем, выпрямился и сложил руки на груди.

— Послушай-ка, госпожа, — твердо, не теряя времени на вступительный обмен любезностями, начал он. — От этого вот ведьмака из Ривии я узнал, что привело вас в Блавикен. Кажется, вам не нравится наш волшебник.

— Может. И что с того? — спросила Ренфри, тоже не очень вежливо.

— А то, что для ваших претензий есть городские или каштелянские суды. Кто обиды свои здесь на Лукоморье захочет оружно мстить, обычным разбойником считаться будет. И еще, что вы ранехонько вылетите из Блавикен вместе со своей чудной компанией, либо же я вас посажу в яму, пре... пре... Как это называется, Геральт?

— Превентивно.

— Вот именно, превентивно. Вы все поняли, дамочка?

Ренфри раскрыла кошель, висящий на поясе, и достала в несколько раз сложенный пергамент.

— Почитайте, староста, если вы грамотный. И никогда не называйте меня «дамочкой».

Кальдемайн взял пергамент, долго его читал, затем без слов передал ведьмаку.

— «Моим комесам, вассалам и вольным подданным, — вслух прочитал Геральт, — всем касающимся сообщаем, что Ренфри, принцесса крейденская, остается в наших службах и мила нам, тот гнев наш на голову свою притянет, кто бы помехи ей учинял. Одоэн, король...». «Помехи» пишутся через «о». Но печать похожа на настоящую.

— Потому что она и есть настоящая, — сказала Ренфри, вырывая у него пергамент. — Ее поставил Одоэн, ваш милостивый господин. Поэтому я не советую «помехи мне учинять». Как бы оно там не писалось, результат для вас может быть очень печальным. Так что, уважаемый староста, не можешь ты меня посадить в яму. И называть «дамочкой». Никаких законов я не нарушала. Пока.

— Если ты их нарушишь хотя бы на волос, — Кальдемайн говорил так, словно хотел сплюнуть, — я всажу тебя в подвал вместе с этим

пергаментом. Клянусь всеми богами, дамочка. Пошли, Геральт.

— А с тобой, ведьмак, — Ренфри прикоснулась к плечу Геральта, — еще словечко.

— Не опоздай на ужин, — бросил через плечо староста. — А то Либуша взбесится.

— Не опоздаю.

Геральт оперся на стойку. Поигрывая медальоном с волчьей мордой, он взглянул в сине-зеленые глаза девушки.

— Я слыхала о тебе. Ты Геральт из Ривии, белоголовый ведьмак. Это правда, что Стрегобор твой друг?

— Нет.

— Это упрощает дело.

— Не очень. Я не собираюсь спокойно наблюдать.

Глаза Ренфри сузились.

— Стрегобор завтра умрет, — сказала она тихо, отбрасывая со лба неровно подрезанные волосы. — Было бы меньшим злом, если бы умер только он.

— Если, а точнее, до того, как Стрегобор умрет, погибнет еще несколько человек. Другой возможности я не вижу.

— Несколько, ведьмак? Это очень скромно сказано.

— Чтобы напугать меня, нужно нечто большее, чем слова, Колючка.

— Не называй меня Колючкой. Я не люблю этого. Дело в том, что есть и другие возможности, и я их вижу. Стоило бы их обговорить, но что же, Либуша ждет. Она хоть красивая, эта Либуша?

— Это все, что ты хотела мне сказать?

— Нет. Ладно, иди. Либуша ждет.

В его комнатухе на чердаке кто-то был. Геральт узнал об этом еще до того, как подошел к двери, по еле слышной вибрации медальона. Он задул масляную лампадку, которой освещал себе лестницу, вынул из голенища кинжал и заткнул его за пояс сзади. Потянул за ручку. В комнате было темно. Но не для ведьмака.

Он переступил порог нарочито медленно, сонно, не торопясь, закрыл за собой дверь. И в следующую же секунду из низкого приседа рыбкой прыгнул на сидящего на его кровати человека, прижал его к постели, левое предплечье вбил ему в подбородок и потянулся за кинжалом. Но доставать его не стал. Что-то было не так.

— Начало неплохое, — сдавленным голосом отозвалась женщина, неподвижно лежа под ним. — Я рассчитывала на это, но не думала, что мы

так быстро окажемся в постели. Убери руку с моего горла, пожалуйста.

— Это ты?

— Это я. Послушай, у нас есть выбор. Или ты сойдешь с меня и мы поговорим. Или мы остаемся в постели, но тогда мне хотелось бы снять сапоги.

Ведьмак выбрал первое. Девушка вздохнула, поднялась, поправила волосы и юбку.

— Зажги свечу, — попросила она. — Я не вижу в темноте, как ты, и люблю смотреть на своего собеседника.

Она подошла к столу, высокая, худощавая, гибкая, и уселась, вытянув перед собой ноги в высоких сапогах. На ней не было видно никакого оружия.

— У тебя выпить есть?

— Нет.

— В таком случае хорошо, что я взяла с собой, — рассмеялась она, поставив на стол дорожную баклажку и два кожаных стаканчика.

— Уже почти полночь, — холодно сказал Геральт. — Может быть, перейдем к делу?

— Сейчас... Держи, пей. Твое здоровье, Геральт.

— И тебе того же, Колючка.

— Меня зовут Ренфри, черт побери, — она гордо вскинула голову. — Я позволяю не именовать меня по титулу, но перестань называть меня Колючкой!

— Тихо, а то разбудишь весь дом. Так я узнаю, зачем ты влезла в окно?

— Какой же ты недогадливый, ведьмак. Я хочу избавить Блавикен от резни. Чтобы поговорить с тобой об этом, мне пришлось, как кошке, карабкаться по крыше. Ценишь?

— Ценю. Только не знаю, что толку в таком разговоре. Положение ясное. Стреботор сидит в волшебной башне, и чтобы достать его оттуда, вам придется устраивать осаду. Если ты на это решишься, тебе не поможет даже твой пергамент. Одоэн не станет тебя защищать, если ты открыто нарушишь закон. Староста, стража, весь Блавикен встанут против тебя.

— Весь Блавикен... если они выступят против меня, то очень пожалеют об этом, — Ренфри улыбнулась, обнажив хищные белые зубы. — Ты видел моих ребят? Ручаюсь, в своем ремесле они разбираются. Ты представляешь, что случится, если дойдет до драки между ними и этими телятами из стражи, которые что ни шаг, спотыкаются о свои же алебарды?

— Ты что, Ренфри, думаешь, что я буду стоять в стороне и спокойно глядеть на такую драку? Как видишь, я живу у старосты. И в случае

надобности мне следует выступить на его стороне.

— Я и не сомневаюсь, — Ренфри посерьезнела, — что выступишь. Правда, в одиночку, потому что остальные попрячутся по подвалам. Нет на свете воина, что справился бы с семеркой, вооруженной мечами. Такого никто из людей не совершит. Но давай перестанем пугать друг друга, беловолосый. Я уже говорила, есть люди, которые могут остановить резню и кровопролитие. Двое людей.

— Я весь внимание.

— Первый, — сказала Ренфри, — это сам Стрегобор. Он добровольно выйдет из своей башни, я заберу его куда-нибудь в пустынное место, а Блавикен снова погрузится в блаженную апатию и быстро обо всем забудет.

— Может, Стрегобор и похож на безумца, но не до такой же степени.

— Кто знает, ведьмак, кто знает. Существуют аргументы, которые невозможно оспорить, есть предложения, которые нельзя не принять. И к ним относится тридамский ультиматум. Я поставлю колдуну тридамский ультиматум.

— И в чем же состоит данный ультиматум?

— Это моя заветная тайна.

— Ладно, пусть будет так. Но я сомневаюсь в его эффективности. Когда Стрегобор говорит о тебе, у него стучат зубы. Ультиматум, который заставит его добровольно сдаться тебе в руки, должен быть чем-то необычным. Так что лучше давай перейдем к второй особе, которая могла бы предотвратить резню в Блавикен. Дай-ка я попытаюсь угадать, кто бы это мог быть.

— Интересно, насколько ты догадливый?

— Это... ты, Ренфри. Ты сама. Ты покажешь истинно княжеское, да что там, королевское великодушие, отказавшись от мести. Я угадал?

Ренфри откинула голову назад и чуть было не рассмеялась на весь дом, но вовремя прикрыла рот рукой. Затем посерьезнела и посмотрела на ведьмака блестящими глазами.

— Геральт, — сказала она. — Я была княжной, в Крейдене. У меня было все, о чем только можно было мечтать, не надо было и просить. Кругом слуги. Платьица, ботиночки... Батистовые трусики. Драгоценности и украшения, буланая лошадка, золотые рыбки в бассейне. Куклы и кукольный домик больше, чем эта каморка. И так было до того дня, когда Стрегобор и эта сволочь Аридея приказали ловчему забрать меня в лес, зарезать и принести им сердце и печень. Красиво, не так ли?

— Скорее отвратительно. Я рад, что ты справилась с ловчим, Ренфри.

— Какого черта справилась. Он сжалился надо мной и отпустил.

Только перед тем изнасиловал, сукин сын, и забрал золотые сережки и диадему.

Геральт взглянул ей прямо в глаза, поигрывая медальоном. Ренфри выдержала взгляд.

— Вот и кончилась княжеская дочка, — продолжала она. — Платице порвалось, батист навсегда утратил белизну. А затем были грязь, голод, смрад, пинки и дубинки. Отдаваться первому встречному за миску похлебки или крышу над головой. Ты знаешь, какие у меня были волосы? Как шелк, и спускались на добрый локоть ниже попки. А когда я подхватила вшей, то меня остригли наголо, ножницами, которыми стригут овец. С тех пор они так и не отрастали как следует.

Она на мгновение замолкла, смахнув со лба неровные пряди.

— Чтобы не подохнуть с голоду, я крада. Убивала, чтобы не убили меня. Сидела в ямах, провонявших мочой, не зная, то ли меня утром вздернут, то ли просто отхлещут и выгонят. И все это время моя мачеха и этот твой чародей наступали мне на пятки, подсылали убийц, пытались отравить меня. Пробовали сглазить. И что, мне проявить великодушие? По-королевски простить? Да я ему по-королевски башку оторву, а перед этим, может, еще и ноги выдерну.

— Аридея и Стрегобор пытались тебя отравить?

— Конечно, а что? Яблоком, заправленным вытяжкой из покрика. Меня спас один гном. Он дал мне противоядие, после которого меня выворачивало наизнанку, как чулок. Но ничего, пережила.

— Это был один из семи гномов?

Ренфри, которая разливала вино, замерла с баклажкой над стаканом.

— Ого, — сказала она. — Ты много обо мне знаешь. Так что? Ты что-то имеешь против гномов? Или других гуманоидов? Если говорить откровенно, они относились ко мне лучше, чем большинство людей. Но пусть это тебя не волнует. Я уже говорила, что пока могли, Стрегобор и Аридея охотились за мной, как за диким зверем. Потом уже не могли, я сама стала охотницей. Аридея протянула копыта в своей собственной постели, и ей дико повезло, что я не достала ее раньше. У меня была для нее особенная программа. Но теперь у меня есть колдун. Как по-твоему, Геральт, он заслужил смерть? Скажи.

— Я не судья. Я ведьмак.

— Вот именно. Я говорила, что есть двое, способные предотвратить резню в Блавикен. Второй — это ты. Волшебник впустит тебя в башню, и ты его убьешь.

— Ренфри, — спокойно спросил Геральт. — Ты случайно на голову не

падала?

— Ты ведьмак или нет, черт подери? Говорят, что ты убил кикимору и привез ее на ослике, чтобы тебе заплатили. Стрегобор хуже кикиморы, она всего лишь неразумная тварь и убивает, потому что такой ее создали боги. А Стрегобор — это садист, маньяк, чудовище. Привези мне его на ослике, и я не пожалею золота.

— Я ведь не наемный убийца, Колючка.

— Именно, — с улыбкой согласилась она. Откинувшись на спинку стула, Ренфри скрестила на столе ноги, не делая ни малейших усилий, чтобы прикрыть бедра юбкой. — Ведь ты ведьмак, защитник людей, оберегающий их от Зла. А сейчас Зло — это железо, кровь и огонь, которые загуляют здесь, как только мы станем друг против друга. Не кажется ли тебе, что я предлагаю меньшее зло? Даже для этого сукина сына Стрегобора. Ведь ты можешь убить его милосердно, одним ударом, исподтишка. Он умрет, не зная, что умирает. Я так не могу ему гарантировать этого. Даже наоборот.

Геральт молчал. Ренфри потянулась, подняв руки вверх.

— Я понимаю твои сомнения, — сказала она. — Но ответ мне нужен сейчас.

— Ты знаешь, почему Стрегобор и княжна хотели тебя убить? И тогда, и позже?

Ренфри резко выпрямилась, сняла ноги со стола.

— Но ведь это же и козе понятно, — вспыхнула она. — Они хотели избавиться от первородной дочери Фредефалька, потому что я была наследницей трона. Дети Аридеи были от внебрачного союза и не имели прав на...

— Я не о том, Ренфри.

Девушка опустила голову, но только на мгновение. Ее глаза блеснули.

— Ну что же, ладно. Якобы я проклята. Заражена еще в материнской утробе. Якобы я...

— Продолжай.

— Чудовище.

— А ты?

Мгновение, очень короткое, она выглядела беззащитной и надломленной. И очень печальной.

— Не знаю, Геральт, — шепнула она, и ее черты вновь затвердели. — Да и откуда мне, черт подери, знать? Когда я порежу палец, идет кровь. И каждый месяц тоже идет кровь. Когда обожрюсь, у меня болит брюхо, когда перепью — болит голова. Когда мне весело, я пою, когда грустно, ругаюсь.

Если я кого-то ненавижу, то убиваю, а если... Ах, черт, хватит. Ну, каков будет твой ответ, ведьмак?

— Мой ответ — нет.

— Ты помнишь, о чем я говорила? — спросила она, помолчав немного. — Есть предложения, от которых не отказываются, так как последствия могут быть ужасны. Я серьезно предупреждаю тебя, мое предложение из таких. Подумай хорошенько.

— Я хорошенько подумал. И отнесись ко мне тоже серьезно, потому что и я предупреждаю тебя всерьез.

Ренфри снова замолчала, перебирая нитку жемчуга, трижды обвивавшую дивную шею и насмешливо заглядывающую меж двух пышных полушарий в разрезе кафтана.

— Геральт, — спросила она. — Стрегобор просил, чтобы ты убил меня?

— Да. Он считает, что меньшим злом будет это.

— Могу ли я думать, что ты отказал ему, как и мне?

— Можешь.

— Почему?

— Потому что я не верю в меньшее зло.

Ренфри легко усмехнулась, потом ее рот исказился в гримасе, очень уродливой в желтом свете огарка.

— Говоришь, не веришь. Ты прав, но лишь отчасти. Есть Зло и Большее Зло, а за ними, где-то в тени, стоит Очень Большое Зло. И Очень Большее Зло, Геральт, это такое, что ты не можешь себе представить, хотя и думаешь, что уже ничто на земле не в силах тебя удивить. И иногда бывает так, Геральт, что Очень Большое Зло схватит тебя за глотку и скажет: «Выбирай, братишка, или я, или то, другое, чуток поменьше».

— К чему ты ведешь?

— Ни к чему. Я немного выпила и философствую, ищу общие места. Вот одно отыскала — меньшее зло существует, только мы не можем выбрать его сами. Лишь Очень Большое Зло может заставить нас делать такой выбор. Хотим мы того, или нет.

— Видно, я мало выпил, — терпко усмехнулся Геральт. — А полночь тем временем минула. Давай перейдем к конкретным вещам. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикен, я не позволю тебе сделать этого. Не позволю, чтобы дошло до резни и кровопролития. Второй раз я предлагаю тебе — откажись от мести. Откажись убивать его. Этим ты докажешь ему, и не только ему, что ты вовсе не кровожадное, бесчеловечное чудовище, что ты не мутант. Докажешь, что он ошибался. Что своей ошибкой он нанес тебе

непоправимый вред.

Ренфри глядела на медальон ведьмака, который тот вертел на цепочке.

— А если, ведьмак, я скажу тебе, что не могу прощать или отказываться от мести, что это станет признанием его — и не только его — правоты? Тем самым я докажу только, что я — чудовище, бесчеловечный демон, проклятый богами? Вот послушай, ведьмак. В самом начале моих скитаний меня приютил один вольный землепашец. Я понравилась ему. Но он мне совершенно не нравился, и даже наоборот. И вот каждый раз, как он хотел меня поиметь, бил меня так, что наутро я едва могла встать. А однажды я встала, когда было еще темно, и перерезала ему горло. Тогда у меня еще не было такого опыта, как сейчас, и нож оказался слишком маленьким. И знаешь, Геральт, слушая, как он булькает и захлебывается кровью, глядя, как он дергает ногами, я чувствовала, что следы его кулаков и дубинки уже не болят и что мне так хорошо, так хорошо, что прямо... Я ушла, весело насвистывая, здоровая, веселая и счастливая. И потом каждый раз было точно то же самое. Если бы было иначе, кто бы тогда терял время на месть?

— Ренфри, — нахмурился Геральт. — Все равно, какие у тебя мотивы, все равно, права ты или нет — тебе не будет так приятно, что прямо здорово, и насвистывая, отсюда ты не уйдешь. Но можешь уйти живой. Завтра же, рано утром, как приказал староста. Я уже говорил тебе это и повторяю — в Блавикен Стрегобора ты не убьешь.

Глаза Ренфри блестели в свете свечи, в расстегнутом вороте кафтана блестели жемчужины, блестел медальон ведьмака, кружась на серебряной цепочке.

— Мне тебя жаль, — медленно сказала девушка, всматриваясь в блестящий серебряный кружок. — Ты говоришь, что меньшее зло не существует. Ты стоишь на площади, на залитых кровью камнях, один-единешенек, потому что не можешь сделать выбор. Не можешь — но делаешь. И ты никогда не будешь знать наверное, никогда не будешь уверен, слышишь, никогда... И плата тебе будет — камень, злые слова. Мне жаль тебя.

— А ты? — спросил ведьмак тихо, почти шепотом.

— Я тоже не умею выбирать.

— Так кто ты есть?

— Я то, что я есть.

— А где ты?

— Мне... холодно...

— Ренфри! — Геральт сжал медальон в руке.

Та дернула головой, будто только-только проснулась, несколько раз удивленно моргнула. На миг показалась испуганной.

— Ты выиграл, — неожиданно резко сказала она. — Выиграл, ведьмак. Завтра утром я уезжаю из Блавикен и уже никогда не вернусь в это паршивое местечко. Никогда. Если во фляжке еще что-то осталось, налей мне.

Когда она поставила стакан на стол, на ее губы вернулась привычная шутливо-издевательская усмешечка.

— Геральт?

— Ну.

— Эта чертова крыша слишком крута. Мне хотелось бы выйти на рассвете, в темноте можно упасть и разбиться. А я ведь княжна, у меня нежное тело, я чувствую горошину через сенник. Если тот не очень набит, конечно. Что скажешь?

— Ренфри... — Геральт невольно усмехнулся. — Разве подобает княжне так говорить?

— Да что ты, мать твою... понимаешь в княжнах? А я была княжной, и знаю, что самое приятное в этом — можно делать все, что вздумается. Мне прямо сказать, чего мне хочется, или сам догадаешься?

Все еще улыбаясь, Геральт молчал.

— Я даже не могу допустить мысли, что не нравлюсь тебе, — скривилась девушка. — Уж лучше думать, что ты боишься, как бы тебя не постигла судьба вольного землепашца. Э-эх, беловолосый. При мне нет ничего острого. Впрочем, ты можешь проверить сам.

Она положила ноги ему на колени.

— Сними мне сапоги. Голенище — самое подходящее место для ножа.

Она поднялась, босая, дернула пряжку пояса.

— Здесь я тоже ничего не прячу. И здесь, как видишь. Задуй эту чертову свечу.

На улице, в темноте, орал кот.

— Ренфри?

— Что?

— Это батист?

— Конечно, черт подери. Княжна я или нет?

— Тя-я-тя-я, — монотонно ныла Марилька. — Когда мы пойдем на ярмарку? На ярмарку-у-у-у, тя-тя-я-я!

— Тихо, Марилька, — буркнул Кальдемайн, вытирая миску мякишем. — Так что ты говоришь, Геральт? Они уходят?

— Да.

— Ну, я и не думал, что все так гладко пройдет. Этим пергаментом и королевской печатью они меня прямо за горло держали. Я, конечно, не подавал виду, но черта с два я что-то мог бы с ними сделать.

— Даже если бы они открыто нарушили закон?

— Даже. Видишь ли, Геральт, Одоэн — очень раздражительный король, и посылает на эшафот за любую мелочь. У меня жена, дочка, мне нравится моя должность, не надо ломать голову, где взять масла для капусты с кашей. Одним словом, это хорошо, что уезжают.

— Тятя-я-а-а! Хочу на ярмарку-у-у-у!

— Либуша! Забери Марильку отсюда! Нда-а-а, Геральт, не рассчитывал... Расспрашивал я Сотника, корчмаря, об этой новиградской компании. Это же банда. Некоторых узнали.

— Да?

— Тот, что со шрамом на морде, это Нохорн, раньше был помощником Абергарда, из так называемой вольной ангренской компании. Ты слышал о вольной компании? Ну ясно, кто же не слышал. Этот бычок, которого зовут Пятнадцатый, тоже. Даже если нет, то не думаю, что ему дали прозвище в честь пятнадцати заповедей. Этот чернявый, полуэльф, это Сиврил, разбойник и профессиональный убийца. Он, кажется, причастен к побоищу в Тридам.

— Где?

— В Тридам. Ты не слышал? Об этом много говорили три... да, три года тому назад, Марильке тогда было два годика. Тридамский барон держал в подвале каких-то разбойников. Их дружки, а среди них вроде и этот полукровка, захватили на реке полный пилигримов паром — это было во время праздника Нис. Они послали барону требование освободить заключенных. Барон, ясное дело, отказал, тогда они стали убивать путников, по очереди, одного за другим. Пока барон не сдался и не выпустил тех из подвала, эти спустили вниз по реке больше десятка. Барону потом грозило изгнание, а то и плаха, они честили его за то, что пошел на попятный, когда уже столько убили, другие же хаяли, что сотворил слишком большое зло, что это был пре... пренцендент, что нужно было всех, и бандитов, и заложников, перестрелять из арбалетов, или брать их штурмом с лодок, не попускать даже на малость. На суде барон говорил, что выбрал меньшее зло, потому что на пароме было больше тридцати человек, бабы, детвора.

— Тридамский ультиматум, — прошептал ведьмак. — Ренфри...

— Что?

— Кальдемайн, ярмарка!

— Что?

— Кальдемайн, ты что, не понимаешь? Она же обманула меня. Они не уедут. Они заставят Стрегобора выйти из башни, так же, как заставили барона в Тридам. Либо меня заставят... Не понимаешь? Они же начнут резать людей на ярмарке. Ваш рынок окружен стенами, это настоящая ловушка!

— О боги, Геральт! Сядь! Куда ты?

Марилька, напуганная криком, заплакала, забившись в угол кухни.

— Я же говорила! — заорала Либуша, кивая на ведьмака. — Все зло от него!

— Заткнись, баба! Сядь, Геральт!

— Их надо задержать. Именно сейчас, пока люди не вышли на рынок. Зови стражников. Как только они выйдут с постоялого двора, в морду их и вязать!

— Геральт, подумай, так же нельзя, мы не можем их тронуть, раз ничего не вынюхали сами, и они ничего еще не сделали. Они станут защищаться, прольется кровь. Ведь это же профессионалы, они перережут мне всех людей. Если это дойдет до Одоэна, покатится моя голова! Ладно, я соберу стражников, иду на рынок, а там буду за ними следить...

— Кальдемайн, это ничего не даст. Если люди выйдут на площадь, то паники и резни не предотвратишь. Их нужно обезвредить сейчас, пока рынок пуст.

— Но ведь это будет бесправие. Я не могу позволить этого. С этим полуэльфом и Тридам все ведь может быть только сплетней. Ты ведь можешь ошибиться, что тогда? А Одоэн будет из меня живого ремни резать.

— Надо выбрать меньшее зло!

— Геральт! Я тебе запрещаю! Как староста! Оставь меч! Стой!

Марилька кричала от страха, закрыв лицо руками.

Прикрыв глаза ладонью, Сиврил смотрел на выходящее из-за крыш солнце. Рынок начал оживать, тарахтели телеги и повозки, первые перекупщики уже заполняли прилавки товаром. Стучали молотки, пели петухи, громко орали чайки.

— Хороший денек будет, — задумчиво сказал Пятнадцатый. Сиврил искоса глянул на него, но ничего не сказал.

— Как лошади, Тавик? — спросил Нохорн, натягивая рукавицу.

— Готовы, оседланы. Сиврил, на рынке их все еще маловато.

- Будет больше.
- Надо бы чего-нибудь перекусить.
- Попозже.
- Ну да. Будет у тебя позже время и охота?
- Гляньте, — внезапно сказал Пятнадцатый.

Со стороны главной улицы в лабиринт прилавков вошел ведьмак. Он направлялся прямо к ним.

— Ага, — сказал Сиврил. — Ренфри была права. Нохорн, дай мне арбалет.

Он нагнулся, натянул тетиву, ступив ногой в стремя, и аккуратно уложил короткую стрелу в канавку. Ведьмак шел. Сиврил поднял арбалет.

— Эй, ведьмак, ни шагу больше!

Геральт остановился. От банды его отделяло шагов сорок.

— Где Ренфри?

Полукровка скривил свое красивое лицо.

— Она у башни, делает колдуну одно предложение. Она знала, что ты придешь, и просила передать тебе две вещи.

— Говори.

— Первое на словах, и звучит так: «Я есть то, что я есть. Выбирай. Либо я, либо то, другое, меньшее». Кажется, ты знаешь, о чем идет речь.

Ведьмак кивнул головой, затем поднял руку, охватил рукоять меча, торчавшую над правым плечом. Клинок блеснул, описав дугу над головой. Медленным шагом Геральт направился к бандитам.

Сиврил паршиво и злорадно засмеялся.

— Значит, так? Она и это предвидела, ведьмак. Тогда сейчас ты получишь вторую вещь, которую она просила тебе передать. Прямо промеж глаз.

Ведьмак шел вперед. Полуэльф поднес арбалет к плечу. Стало очень тихо.

Тетива щелкнула. Ведьмак взмахнул мечом, раздался протяжный взвизг металла, стрела, кувыряясь, взлетела вверх, сухо треснула о крышу и загрохотала в водосточной трубе. Ведьмак шел вперед.

— Отбил... — простонал Пятнадцатый. — Отбил на лету...

— В кучу, — скомандовал Сиврил. Свистнули вынимаемые из ножен мечи. Банда сомкнулась плечом к плечу, оцетинилась остриями мечей.

Ведьмак ускорил шаг, его походка, удивительно плавная и легкая, перешла в бег — не прямо на мечи бандитов, а вбок, приближаясь к ним по спирали.

Тавик не выдержал, бросился навстречу, сокращая дистанцию. За ним

близнецы.

— Не разбегаться, — рывкнул Сиврил, крутя головой, потеряв ведьмака из глаз. Он выругался и отпрыгнул в сторону, увидев, что группа распалась окончательно и кружит меж прилавков в безумном хороводе.

Тавик был первым. Еще мгновение назад он настигал ведьмака, теперь же внезапно заметил, что тот обходит его слева, пробегая в противоположном направлении. Он задрожил ногами, чтобы притормозить, но ведьмак промчался мимо, прежде чем тот успел поднять меч. Тавик почувствовал сильный удар над самым бедром. Он завертелся и понял, что падает. Уже стоя на коленях, он удивленно глянул на свое бедро и закричал.

Близнецы, одновременно атакуя несущуюся на них черную нерезкую фигуру, прыгнули друг на друга, столкнулись плечами, на мгновение сбившись с ритма. Этого хватило. Вир, получив мечом через всю грудь, согнулся пополам, опустив голову, сделал еще пару шагов и грохнулся на прилавок с овощами. Нимир получил удар в висок, закрутился на месте и тяжело, беспомощно рухнул в канаву.

Рынок вскипел, торговцы бросились врассыпную, загрохотали, переворачиваясь и падая, прилавки, поднялась пыль и гвалт. Тавик еще раз попытался приподняться на трясущихся руках, но упал.

— Слева, Пятнадцатый! — зарычал Нохорн, обегая полукругом, чтобы зайти ведьмаку за спину.

Пятнадцатый обернулся быстро, но недостаточно быстро. Он выдержал первый удар, в брюхо, собрался, чтобы ударить, и получил второй раз, в шею, над самым ухом. Весь дрожа от напряжения, он сделал четыре неверных шага и свалился на повозку с рыбой. Повозка покатилась, а Пятнадцатый упал на серебристую от чешуи мостовую.

Сиврил и Нохорн ударили одновременно, с двух сторон, эльф размашистым ударом сверху, Нохорн же присев, низко. Оба удара были отбиты, два металлических щелчка слились в один. Сиврил отскочил, споткнулся, но удержался на ногах, хватаясь за деревянный прилавок. Нохорн бросился и заслонил его мечом, который держал вертикально. Он отбил удар, но тот был настолько сильным, что Нохорна отбросило назад и ему пришлось присесть на одно колено. Вскакивая, он прикрывал лицо мечом, но слишком уж медленно. Он получил удар в лицо, симметрично старому шраму.

Сиврил пружинисто оттолкнулся спиной от прилавка, перепрыгнул падающего Нохорна и атаковал с полуоборота, двумя руками, промахнулся, моментально отскочил. Он не почувствовал удара, ноги подогнулись под ним только тогда, когда после инстинктивного блока он попытался еще раз

атаковать. Меч выпал из его перерубленной с внутренней стороны, выше локтя, руки. Он упал на колени, затряс головой, попытался встать, но не смог. Он прижал голову к коленям и так и замер в алой луже среди разбросанной капусты, рыбы и бубликов.

На рынок вошла Ренфри.

Она шла медленно, мягким кошачьим шагом, обходя повозки и ларьки. Толпа, жужжащая, как рой шершней, в улочках и под стенами домов, стихла. Геральт стоял неподвижно, держа меч в опущенной руке. Девушка приблизилась на десять шагов, остановилась. Ведьмак заметил, что под кафтанчиком на ней надета короткая, едва прикрывающая бедра кольчуга.

— Выбор ты сделал, — утвердительно сказала она. — Ты уверен, что он правильный?

— Второго Тридама здесь не будет.

— И не было бы. Стрегобор высмеял меня. Он сказал, что я могу вырезать весь Блавикен и добавить несколько окрестных деревень, но он все равно не выйдет из башни. И никого, в том числе и тебя, туда не пустит. Что ты смотришь? Да, я обманула тебя. Я всю жизнь обманывала, когда было нужно. Почему же для тебя делать исключение?

— Уходи отсюда, Ренфри.

Она засмеялась.

— Нет, Геральт! — и вытащила меч, изящно и легко.

— Ренфри.

— Нет, Геральт. Ты сделал свой выбор. Теперь моя очередь.

Одним резким движением она сорвала с бедер юбку, крутнула ей в воздухе, намотав ткань вокруг левого предплечья. Геральт отступил и поднял руку, сложив пальцы в Знак. Ренфри снова засмеялась, коротко и хрипло.

— Не поможет, беловолосый. Это на меня не действует. Только меч.

— Ренфри... — повторил Геральт. — Уходи. Если мы скрестим мечи, я... уже больше... не смогу...

— Я знаю. Но я... Я тоже не могу иначе. Просто не могу. Мы ведь те, кто мы есть. Ты и я.

Она пошла вперед легким размашистым шагом. В правой руке, вытянутой в сторону, поблескивал меч, левая волокла по земле юбку. Геральт отступил на пару шагов.

Ренфри прыгнула, махнув левой рукой, юбка зашелестела в воздухе, вслед за ней, заслоненный, в экономном коротком ударе блеснул меч. Геральт отскочил, ткань даже не коснулась его, а клинок Ренфри соскользнул от косого блока. Он контратаковал инстинктивно, центром

клинком, связав оба меча в короткой мельнице, попытался выбить оружие из ее рук. Это было ошибкой. Она отбила его острие и сразу же, полуприсев на напряженных бедрах, ударила, целясь в лицо. Геральт едва сумел парировать этот удар и отпрыгнул от падающей сверху материи юбки. Он закружился в пируэте, уходя от блещущего в молниеносных атаках клинка и вновь отскочил. Девушка столкнулась с ним, бросила юбку прямо в глаза, била плоско, с близкого расстояния, с полуоборота. Он увернулся от удара, повернувшись у самого ее тела. Но она знала эту штучку. Повернулась вместе с ним и опять с близкого расстояния, так что он почувствовал ее дыхание, рубанула острием по груди. Дернула боль, но ведьмак не сбился с ритма, повернулся еще раз, в противоположную сторону, отбил клинок, летящий к виску, сделал быстрый уход и снова атаковал. Ренфри отпрыгнула, собираясь ударить сверху. Геральт, согнувшись в выпаде, молниеносно провел удар снизу, самым кончиком клинка, в незащищенное бедро и лоно.

Ренфри не вскрикнула. Падая на колено, на бок, она выпустила меч, впилая пальцами в разрубленную ногу. Кровь ясным ручьем забила между пальцев, на украшенный шитьем пояс, на лосиные сапоги, на грязные камни мостовой. Набившаяся в улочках толпа заволновалась, зашумела.

Геральт спрятал меч в ножны.

— Не уходи, — застонала она, свернувшись в клубок.

Он не отвечал.

— Мне... хол-лодно...

Он не отвечал. Ренфри вновь застонала, свернувшись еще сильнее. Кровь быстрыми ручейками заполняла ямки меж камней.

— Геральт... Обними меня...

Он не отвечал.

Она повернула голову и застыла, прижавшись щекой к камням мостовой. Стиллет с очень узким лезвием, до сих пор скрываемый под рукой, выскользнул из ее мертвеющих пальцев.

Через мгновение, показавшееся вечностью, ведьмак поднял голову, услышав стук посоха Стрегобора. Чародей спешил, обходя трупы.

— Ну и бойня, — засопел он. — Видел, Геральт, я все видел в хрустале...

Он подошел ближе и наклонился. В тянущихся по земле черных одеждах он выглядел старым. Ужасно старым.

— Не могу поверить, — покачал он головой. — Колючка, мертвая...

Геральт молчал.

— Ну, Геральт, — волшебник выпрямился. — Иди за повозкой. Мы

возьмем ее в башню и произведем вскрытие.

Он посмотрел на ведьмака и, не дождавшись ответа, склонился над телом.

Некто, незнакомый ведьмаку, взялся за рукоять меча и быстро извлек его.

— Только коснись ее, — сказал некто, незнакомый ведьмаку. — Только коснись ее, и твоя голова полетит на мостовую.

— Ты что, Геральт, белены объелся? Ты ранен, у тебя шок! Вскрытие это единственный способ, чтобы узнать...

— Не касайся ее!

Стрегобор, видя занесенный клинок, отскочил и махнул посохом.

— Ладно! — крикнул он. — Как хочешь! Но ты никогда не узнаешь! Никогда не будешь уверен! Никогда! Слышишь, ведьмак, никогда!!

— Прочь!

— Как хочешь, — колдун повернулся и ударил посохом о мостовую. — Я возвращаюсь в Ковир, ни дня ни останусь в этой дыре. Пойдем со мной, не оставайся здесь. Эти люди ничего не знают, они только видели, как ты убиваешь. А убиваешь ты жестоко. Ну, Геральт, ты идешь?

Геральт не отвечал, даже не смотрел на него. Он спрятал меч. Стрегобор пожал плечами и быстро зашагал прочь, ритмично постукивая посохом.

Из толпы полетел первый камень, ударился в мостовую. За ним второй, пролетевший над самым плечом Геральта. Выпрямившись, ведьмак поднял обе ладони и сделал ими резкий жест. Толпа зашумела, камни полетели гуще, но Знак отталкивал их в стороны, накрывая Геральта невидимым панцирем.

— Хватит!!! — заорал Кальдемайн. — Я сказал, хватит, сучьи дети!

Толпа зашумела прибоем, но камни лететь перестали. Геральт стоял, не двигаясь.

Староста приблизился к нему.

— И это все? — спросил он, широким жестом показывая на разбросанные по площади тела. — Так выглядит меньшее зло? Ты сделал все, что считал нужным?

— Да, — с усилием, не сразу ответил Геральт.

— Рана серьезная?

— Нет.

— Тогда уходи отсюда.

— Хорошо, — ведьмак еще постоял, избегая взгляда старосты, затем повернулся и пошел прочь.

— Геральт!

Ведьмак обернулся.

— И не возвращайся сюда никогда, — сказал Кальдемайн. —
Слышишь, никогда.